

The World of Art. 1901. vol. 6. no. 10. pp. 252-253.

Мир искусства. 1901. Т. 6. № 10. С. 252-253.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 463

The interesting program of the concert by Messrs. Ziloti and Verzhbilovich introduced us to two relatively major musical novelties. These new pieces are the piano sonata by A.

Glazunov (op. 74) and the suite for two pianos by S. Rachmaninoff (op. 17).

Glazunov's new sonata is a work rich in brilliant sonority, distinguished by its bold keyboard interpretation. It is a masterfully composed concert number¹ in three movements, each of which demands from the performer a unique and exceptional virtuoso perfection. Thus, there is no doubt that Mr. Glazunov's sonata is guaranteed both a distinguished place in the repertoire of accomplished pianists and, at the same time, an undisputed and consistent success with the public. But is this the main point, and is this the success our popular composer is striving for? And is it not strange that one of the most respectable and appealing talents of our time expends his valuable creative energies on the creation of works that have only relative significance as rewarding material for concert virtuosos?

Of course, this work by our celebrated symphonist is not without many hallmarks of his talent and incomparable technical mastery, but one cannot deny that the sonata's musical content is meagre, its ideas lacking in brilliance, and its arrangement contributes virtually nothing new, even to piano literature. The bravura-salon style prevalent in the sonata is particularly unpleasant in the first movement (*Allegro moderato*). More interesting are the second movement (*Andante*), with its curious modulation surprises, and the graceful decorativeness of the movement in the final movement (*Allegro scherzando*).

The performance of the sonata left nothing to be desired.

The second interesting new composition of the evening was Sergei Rachmaninoff's suite for two pianos. Familiarity with some of the young composer's previous works had pleasantly predisposed him to his favour and awakened hopes of hearing something extraordinary, innovative in concept and solid in technique.

A superbly performed suite, with the composer, who held the first part, proving himself to be a brilliant pianist, not only more than lived up to our expectations, but also showed that the young talent of the composer has significantly strengthened, grown, and the strength of its persuasiveness leaves no doubt about its importance in the future.

A short "introduction" immediately captivates the listener, ushering them into a unique world of the composer's genuine individuality. There's no trace of the conventional compositional techniques typically employed by beginning composers, and sometimes even those at the end of their careers. Everything is new, everything is fresh, and imbued with the captivating spirit of a richly gifted artistic nature. The "waltz" that follows the introduction, despite its wealth of beautiful individual moments, witty and beautiful harmonic and melodic turns, suffers from a strange protractedness of form. We believe, however, that the somewhat loose or insufficient clarity of form characteristic of Rachmaninoff's works is more likely due to his still-unsettled compositional techniques than to a lack of overall conception. The third movement of the suite, in which the aforementioned shortcoming is much less noticeable, reveals the composer's rare ability to utilize exquisite contrapuntal patterns to accompany and highlight the main melodic outline. The suite ends with a brilliant "tarantella," infused with so much sparkling fire, so many nerve-stirring rhythmic and harmonic spices, that even the most blazed listener by contemporary quests for sonic novelty will inevitably be amazed by such a lavish display of creative imagination. We note another valuable quality in Mr. Rachmaninoff's talent. He borrows almost nothing from the vast selection of ready-made material available to contemporary composers: he draws from his own artistic capital and is guided by his own moods. Doesn't all this give us the right to look with hope and confidence

at the emerging talent of the young Rachmaninoff, a new, vibrant, and imaginative force? And how palpable is the value of such gifts in our time, so rich in "creators" and so poor in creative energy! A. N. Zametki

1 So in the source.

[Translation: Google]

Интересная программа концерта гг. Зилоти и Вержбиловича познакомила нас с двумя сравнительно крупными музыкальными новинками. Новинки эти фп. соната А. Глазунова (ор. 74) и сюита для двух роялей С. Рахманинова (ор. 17).

Новая соната Глазунова произведение, богатое блестящей звучностью, отмеченное смелостью клавиатурной трактовки. Это мастерски написанный концертный номер¹ в трех частях, из которых каждая требует от исполнителя особого и исключительного виртуозного совершенства. Таким образом, не подлежит сомнению, что за сонатой г. Глазунова обеспечены и выдающееся место в репертуаре искусных пианистов и вместе с тем бесспорный и неизменный успех у публики. Но в этом ли главная суть, и такого ли успеха домогается наш популярный композитор? И не странно ли, что один из наиболее солидных и симпатичных талантов нашего времени тратит свои ценные творческие силы на созидание вещей, имеющих лишь относительное значение благодарного материала для концертных виртуозов?

Конечно, и это произведение нашего прославленного симфониста не лишено многих признаков его таланта и несравненного мастерства техники, но нельзя же в самом деле отрицать, что музыкальное содержание сонаты бедно, что мысли ее не ярки и обработка их почти не вносит ничего нового даже в специально фортепианную литературу. Преобладающий в сонате бравурно-салонный стиль особенно неприятно сказывается в первой части (*Allegro moderato*). Более интересны вторая часть (*Andante*) с ее любопытными модуляционными неожиданностями и грациозная декоративность движения в последней части (*Allegro scherzando*).

Исполнение сонаты не оставляло желать лучшего.

Второй интересной новинкой вечера была сюита для двух роялей С. Рахманинова. Знакомство с некоторыми из прежних сочинений молодого композитора приятно располагало в его пользу и пробуждало надежды услышать нечто незаурядное, новое по мысли и солидное по технике.

Великолепно исполненная сюита, причем автор, державший первую партию, выказал себя блестящим пианистом, не только с избытком оправдала наши ожидания, но и показала, что юный талант композитора значительно окреп, вырос и силой своей убедительности не оставляет сомнений на счет его значения в будущем.

Небольшое «вступление» сразу же увлекает слушателя, вводя его в особый мирок неподдельной индивидуальности автора. Тут и следов нет тех условных приемов сочинительства, к которым обыкновенно прибегают начинающие, а иногда даже и кончающие свою карьеру композиторы. Все ново, все свежо и проникнуто увлекательным темпераментом богато одаренной художественной натуры. Следующий за вступлением «вальс», при бездне пре-красных отдельных моментов, остроумных и красивых, гармонических и мелодических оборотов, страдает какою-то странной растянутостью формы. Полагаем, однако, что некоторая свойственная сочинениям С. Рахманинова бесформенность или недостаточная ясность формы, скорее, зависит от еще неустановившихся композиторских приемов, чем от недостатка концепции в целом. Третья часть сюиты, в которой упомянутый выше недостаток ощущается гораздо менее, обличает в авторе редкое умение пользоваться изысканным

контрапунктическим узором для сопровождения и оттенения главного мелодического рисунка. Сюита кончается ярко блестящей «тарантеллой», в которой столько вложено искрометного огня, столько волнующих нервы ритмических и гармонических пряностей, что слушатель, даже и наиболее блазирванный современными исканиями звуковой новизны, поневоле при-дет в изумление перед таким расточительным проявлением творческого воображения. Отметим еще одно ценное качество в даровании г. Рахманинова. Он почти ничего не заимствует из громадного выбора готового материала, имеющегося к услугам современных композиторов: он черпает из собственного художественного капитала и подчиняется собственным настроениям. Не дает ли нам все это право с надеждой и упованием взирать на вырастающий пред нами новый, жизнеспособный и богатый творческим воображением талант молодого Рахманинова. И как ощутительна ценность подобных даров в наше обильное «творцами» и столь скудное творческими силами время!

1 Так в источнике.